

СЛОВО ГАЙДАРА

...Таинственные токи-флюиды неведомым путем облетели тусклый коридор Детского издательства. Двери редакций и соседних с ними бухгалтерий, корректорской, машбюро мгновенно стали раскрываться. Приход Гайдара нарушил размеренную тишь. Еще минута-две — и возле него полным-полно. Пятигранной звездочке с лучами — салют! Трогательный гайдаровский знак, украшающий верхний правый угол каждой его рукописи, издавна знаком детгизовцам.

В гимнастерке со стоячим воротником и накладными карманами, в широких полугалифе, заправленных в командирские с блеском сапоги, светловолосый, улыбочивый, он принес сюда на Малый Черкасский переулок ялтинский морской воздух и южное солнце. «Ничего зимнего, январского. Загорал и работал. Готов почитать, если не разбежитесь...»

Он притронулся к карману гимнастерки, но ничего не извлек и в ритм произносимого, качнув головой, чуть переступал с ноги на ногу.

Ни раньше, ни позже ничего подобного мне видеть-слышать не приходилось. Романтическая сказка «Горячий камень» заполонила душу. С неумемной болью несколько месяцев спустя мы узнали: дивное исповедальное сказание было последним произведением Аркадия Петровича.

Константин Георгиевич Паустовский вспоминал: «Писал Гайдар совсем не так, как мы привыкли думать. Он ходил по саду и бормотал, рассказывал самому себе вслух новую главу из начатой книги, тут же на ходу исправлял ее, менял слова, фразы, смеялся или хмурился, потом уходил в свою комнату и там записывал все, что уже прочно сложилось у него в сознании и в памяти».

Гроза войны круто повернула жизнь страны и, естественно, нашего издательства, одного из звеньев культуры сражающегося общества. Вахта — круглосуточная, казарменная. Время спрессовано в часы и минуты. Утро, вечер, день, ночь. В редакционных комнатах непривычные раскладушки, покрытые солдатскими одеялами. Обложки первых военных изданий («За родину, честь и свободу!»), прикладных листовок («Как гасить зажигалки?») увенчаны символом — бойцы-автоматчики, танки, пушки, многоствольные «катюши» рвутся в бой под Красным знаменем. Всё — для Победы!

Звонок из главной редакции: «Гайдар здесь, заходи». Без малейшей запинки, с ходу, делюсь

с Аркадием Петровичем замыслом — выпустить «летучим дождем брошюр» обращения к детям видных писателей. Алексей Толстой, Самуил Маршак, Ванда Василевская, Илья Эренбург, Янка Купала свои статьи уже дали. «Хотите, чтобы написал я?» — «Да, непременно». Ребятам важно услышать голос любимого писателя, старшего друга, вооружиться советом, поддержкой.

С первых дней гитлеровского нашествия Аркадий Петрович на фронте. В удостоверении «Комсомольской правды» значится, что «командируется в действующую Красную Армию юго-западного направления в качестве военного корреспондента...» Жаль, но выполнить просьбу он не может. Сейчас здесь по вызову редакции. «Завтра уезжаю». Я прошу оставить хотя бы несколько строк, но нет, некогда. Прощаемся, он идет к двери, вдруг оборачивается и со словами: «Впрочем, готов помочь», вынимает из планшета сложенные вчетверо листки. «Вот вам для сборника, может, подойдет?» — и уходит. На следующий день, 30 августа, Гайдар отбыл в самое пекло, в осажденный гитлеровцами Киев.

Врученные мне странички вскоре стали широко известны. Несколько дней назад его записывали на радио и просили выступить еще. Текст он подготовил, но прийти не успел. Это был оваянный мудростью и опытом призыв Гайдара «Берись за оружие, комсомольское племя!» «Комсомолец, школьник, пионер, юный патри-

от, война еще только начинается, и знай, что ты еще нужен будешь в бою. Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Чтобы сразу, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груди земли лопатой, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел...» Поздней осенью, в ноябре сорок первого, увидела свет опаленная огнем кровопролитных баталий маленькая книжечка «Советским детям». Писатели, властители дум, говорили в ней о постигшем нас бедствии, о мужестве и бесстрашии сплоченного народа. Завершало это издание заветное слово Гайдара.

В те дни мы не знали, что Аркадия Петровича, увы, нет в живых. 26 октября 1941 года на Украине у села Леплява на Подолии в неравном бою, прикрывая пулеметными очередями отход соратников-партизан, пронзенный пулей в самое сердце, он пал смертью героя. Ему выпало прожить 37 лет (родился в 1904 году во Льгове на Курской земле). Роковой возраст русского писателя. Вспомним — Пушкин, Маяковский...

Следуя избранному имени дозорного конника, скачущего, летящего с кличем: «а-й-д-а! а-й-д-а!», Аркадий Гайдар истинное свое призвание нашел в литературе для детей, в этом душевном богатстве, питающем силы, умы и сердца не только юных, но и взрослых поколений.

Выдающийся мастер, подвижник изящной словесности, он создал целую библиотеку зорких, пытливо-поэтичных книг, устремленных в радуж-

ное Завтра. Гайдаровское чтение зовет в неустанный поход «за лучшую долю, за счастье, за братство народов».

Из его уникального творческого наследия назовем вершинное: полуавтобиографическую повесть «Школа» с ее молодыми витязями революции; «Дальние страны» — юнцы мечтают побывать там, где идет большая стройка; «Военная тайна» — люди верны интернациональному братству, ненавидят «квасных» узколобов; «Судьба барабанщика» — мальчик помогает отцу искупить вину; «Голубая чашка» — малышам и старшим чужды разговоры и ссоры, не пускайте в дом «злых, серых мышей»; «Чук и Гек» — история двух славных братишек, и особо — «Тимур и его команда». Эта повесть снискала горячую читательскую любовь у нас и за рубежом. Нельзя остаться равнодушным, знакомясь с беспредельно добрыми делами тимуровцев. Тайная забота о тех, кто страдает. Что может быть возвышеннее этого?..

Грустно сознавать, что произведения Аркадия Гайдара в последние годы выпускаются редко. Тем сильнее заслуживает признательности выход в свет тома, который в ваших руках. В нем избранные сочинения автора. Настоящий подарок домашней библиотеке.

В образе прославленного Мальчиша-Кибальчиша воздадим должное самому писателю. «Плывут пароходы — привет Мальчишу! Про-

летят летчики — привет Мальчишу! Пробегут паровозы — привет Мальчишу!».

И всенародно — Аркадию Гайдару, писателю-воину — благодарность Отечества!..

Борис Камир,
*заслуженный работник
культуры России*

Москва, февраль 2000 г.

Р. В. С.

1

Раньше сюда иногда забегали ребятишки затем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями. Здесь было хорошо.

Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда сено и солому. Но немцев прогнали красные, после красных пришли гайдамаки, гайдамаков прогнали петлюровцы, петлюровцев — еще кто-то. И осталось лежать сено почерневшими, полусгнившими грудями.

А с тех пор, когда атаман Криволоб, тот самый, у которого желто-голубая лента пересекала папаху, расстрелял здесь четырех москалей и одного украинца, пропала у ребятишек всякая охота лазить и прятаться по заманчивым лабиринтам. И остались стоять черные сараи, молчаливые, заброшенные.

Только Димка забегал сюда часто, потому что здесь как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь

и спокойно жужжали шмели над ярко-красными головками широко раскинувшихся лопухов.

А убитые?.. Так ведь их давно уже нет! Их свалили в общую яму и забросали землей. А старый нищий Авдей, тот, которого боится Топ и прочие маленькие ребяташки, смастерил из двух палок крепкий крест и тайком поставил его над могилой. Никто не видел, а Димка видел. Видел, но не сказал никому.

В укромном углу Димка остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он порылся в соломе и извлек оттуда две обоймы патронов, шомпол от винтовки и заржавленный австрийский штык без ножен.

Сначала Димка изображал разведчика, то есть ползал на коленях, а в критические минуты, когда имел основание предполагать, что неприятель близок, ложился на землю и, продвигаясь дальше с величайшей осторожностью, высматривал подробно его расположение. По счастливой случайности или еще почему-то, только сегодня ему везло. Он ухитрялся безнаказанно подбираться почти вплотную к воображаемым вражьиим постам и, преследуемый градом выстрелов из ружей, из пулеметов, а иногда даже из батарей, возвращался невредимым в свой стан.

Потом, сообразуясь с результатами разведки, высылал в дело конницу и с визгом врбался в самую гущу репейников и чертополохов, которые героически умирали, не желая, даже под столь бурным натиском, обращаться в бегство.

Димка ценит мужество и потому забирает остатки в плен. Затем, скомандовав «стройся» и «смирно», он обращается к захваченным с гневной речью:

— Против кого идете? Против своего брата рабочего и крестьянина? Генералы вам нужны да адмиралы...

Или:

— Коммунию захотели? Свободы захотели? Против законной власти...

Это в зависимости от того, командира какой армии в данном случае изображал он, так как командовал то одной, то другой по очереди. Он так заигрался сегодня, что спохватился только тогда, когда зазвякали колокольчики возвращающегося стада.

«Елки-палки, — подумал он. — Вот теперь мать задаст трепку, а то и жрать, пожалуй, не оставит». И, спрятав свое оружие, он стремительно пустился домой, раздумывая на бегу, что бы соврать такое получше.

Но, к величайшему удивлению, нагоняя он не получил и врать ему не пришлось.

Мать почти не обратила на него внимания, несмотря на то что Димка чуть не

столкнулся с ней у крыльца. Бабка звенела ключами, вынимая зачем-то старый пиджак и штаны из чулана. Топ старательно копал щепкой ямку в куче глины.

Кто-то тихонько дернул сзади Димку за штанину. обернулся — и увидел печально посматривающего мохнатого Шмеля.

— Ты что, дурак? — ласково спросил он и вдруг заметил, что у собачонки рассечена чем-то губа.

— Мам! Кто это? — гневно спросил Димка.

— Ах, отстань! — досадливо ответила та, отворачиваясь. — Что я, присматривалась, что ли?

Но Димка почувствовал, что она говорит неправду.

— Это дядя сапогом двинул, — пояснил Топ.

— Какой еще дядя?

— Дядя... серый... он у нас в хате сидит.

Выругавши «серого дядю», Димка отворил дверь. На кровати он увидел валявшегося в солдатской гимнастерке здорового детину. Рядом на лавке лежала казенная серая шинель.

— Головень! — удивился Димка. — Ты откуда?

— Оттуда, — последовал короткий ответ.

— Ты зачем Шмеля ударил?

— Какого еще Шмеля?

— Собаку мою...

— Пусть не гавкает. А то я ей и вовсе башку сверну.

— Чтоб тебе самому кто-нибудь свернул! — с сердцем ответил Димка и шмыгнул за печку, потому что рука Головень потянулась к валявшемуся тяжелому сапогу.

Димка никак не мог понять, откуда взялся Головень. Совсем еще недавно забрали его красные в солдаты, а теперь он уже опять дома. Не может быть, чтоб служба у них была такая короткая.

За ужином он не вытерпел и спросил:

— Ты в отпуск приехал?

— В отпуск.

— Вон что! Надолго?

— Надолго.

— Ты врешь, Головень! — убежденно сказал Димка. — Ни у красных, ни у белых, ни у зеленых надолго сейчас не отпускают, потому что сейчас война. Ты дезертир, наверно.

В следующую же секунду Димка получил здоровый удар по шее.

— Зачем ребенка бьешь? — вступилась Димкина мать. — Нашел с кем связываться.

Головень покраснел еще больше, его круглая голова с оттопыренными ушами (за которую он и получил кличку) закачалась, и он ответил грубо:

— Помалкивайте-ка лучше... Питерские